

Горшеня (Гатцук)

Вез мужик на базар горшки продавать, и нагоняет его великий государь Петр Алексеевич. Придержал государь коня и говорит: «Здорово, горшеня! Мир по дороге». «И тебе, боярин, много лет здравствовать!» Не признал мужик государя, потому что и видетьто его не приходилось да и ездил царь Петр Алексеевич часто один без свиты, в простом платье — правду на Руси да добрых слуг себе сыскивать.

«Хорошо ли, горшенюшка, торгуешь?» — спрашивает мужика государь. «Да, слава Богу, боярин: иной год рублей сорок пользы остается». — «Куда же ты столько денег деваешь?» — «Десять рублей — в подать вношу, десять долгу плачу, десять займы даю, да десять в окно кидаю». — «Что-то, горшеня, непонятно». — «Правду-то, боярин, не всякому понять. А ты смекни-ка: долг платить — отца с матерью кормить, займы давать — сына воспитывать, за окно кидать — дочь для чужой семьи растить». — «Так, горшенюшка, так!» — «Вот и живу, боярин; год-то прошел — смотришь: без худа и остался». — «Без какого худа?» — «Эх, боярин! В худе живете, а худа не видите: уж что есть на свете хуже денег? Из-за них все друг другу завидуют, бранятся, один другого грабит, убивает. Завелась у убогого нищего в котомке медная денежка — смотри, и на ту чей-нибудь глаз зарится». — «Не обидел Бог тебя, горшенюшка, разумом! А видал ли когда того, кому четвертую-то часть пользы отдаешь?» — «Нет, боярин, где уж нам в царевы ясные очи глядеть; не приводилось государя видеть». — «Так ты, горшенюшка, пожалуй, встретишь царя — не узнаешь да и опростоволосишься». — «Как не узнать, боярин: перед царем-то, ведь, всякий с дороги сходит, с телеги слезает да шапку снимает».

Как раз на тот случай попадаетея им навстречу боярский обоз. Заприметили царя, узнали — сейчас долой с дороги, слезли с лошадей, вышли боярин с боярыней из кареты, слуги из повозок, поснимали шапки, стоят и кланяются. «Ну, что, горшенюшка, понял?» — спрашивает государь мужика. «Понял, боярин: либо ты — государь, либо — я. Оба мы не пешие и в шапках, а все перед нами шапки ломают да с дороги сходят». Засмеялся великий государь Петр Алексеевич мужиковой увертке, а тот слез с телеги, поклонился царю земно и говорит: «Прости, надежа государь: не признал я тебя с первого разу». — «Бог простит, горшенюшка».

Поехали дальше — горшеня около телеги идет, а царь рядом едет. «Есть тут в вашей стороне, — говорит царь, — монастырь, что Беспечальным зовут, а в том монастыре будто бы игумен уж больно умный». — «Как этому монастырю,

государь, Беспечальным не зваться: земли у него много, леса, пашни, рыбные ловли — всего вволю; сколько сел да деревень к нему приписано, и работают теперь крестьяне на монастырь, как крепостные. А по правде-то, государь, мужики эти твои царские вольные испокон веков были. Да и впрямь хитер-умен нынешний игумен: отсудил их монастырю, не пожалел денег подьячим да судьям неправедным». — «Правду ли, мужик, говоришь? — строго спрашивает государь. — Не по злобе ли? Смотри: у меня ложному доносчику первый кнут». — «Правду истинную, как перед Богом, так и перед тобою, великий государь». — «Ну, прощай, умный горшения! — говорит царь. — Поеду я теперь в этот Беспечальный монастырь, посмотрю на игумена. Коли и вправду умен, а не хитер только, хоть и виноват — помилую. Мне умные люди надобны». Хлестнул государь коня и поехал шибко от горшени.

Ехал он, долго ли, коротко ли — подъезжает к монастырю. А монастырь был старинный и стоял в глухом бору. У ворот сидел старый-престарый привратник; увидал государя, встал и кланяется. Приказал царь позвать сейчас же игумена перед свои светлые очи и говорит ему: «Слышал я, отец, что больно ты умен да с подьячими ласков. Загадаю я тебе три загадки. Коли отгадаешь, так не поставлю тебе в вину, что ты неправдою к монастырю моих государственных вольных мужиков приписал, хоть и отберу их: не след монахам чужим трудом жить. А не отгадаешь — не помилую!.. Вот тебе загадки: первая: сколько звезд в небе? Вторая: чего я, русский царь, стою? И третья: что я думаю? Даю тебе сроку до завтрашнего дня. Теперь поеду я в город, разберу, что с тобою подьячие напутали, а буду назад ворочаться — будешь ты мне и ответ держать». Хлестнул царь коня и уехал, а игумен остался у ворот ни жив, ни мертв со страху.

По сказанному, как по писанному, разобрал государь в городе все дело: плутов судей да подьячих, что совесть и присягу продавали, не помиловал и поехал обратно. А горшения между тем продал на базаре свой товар с барышком и думает: «Что-то теперь в нашем монастыре делается? Не заехать ли отца игумена утешить: грозен, мол, царь, да милостив Бог!» И поехал.

Приезжает горшения в Беспечальный монастырь и видит в монастыре печаль великую! сидит игумен с братиею, над царевыми загадками думают — ничего придумать не могут. «Что, отец игумен, не весел, голову повесил?» — спрашивает мужик. И рассказал ему игумен свое горе. Подумал горшения и говорит: «А ведь загадки-то эти я разгадаю». Стал его игумен просить-молить, чтобы горю пособил. Горшения отказывается: «Боюсь, — говорит, — впутываться: это дело государево; твой, ведь, разум царь пытается, а не мой». Посулил ему игумен за помощь сто рублей, сейчас и деньги принес — все

серебряными рублевиками, — насильно в руки сует. Поглядел мужик на деньги, еще подумал и говорит: «Ну, ладно, выручу я тебя. Ложись теперь спать: утро вечера мудренее. А завтра, как приедет государь, одену я твое игуменское платье и выйду к нему за тебя». Игумен и рад — боится царю на глаза показаться.

Приехал на другой день государь к монастырю сумрачный, зовет игумена перед свои грозные очи. А вышел-то к нему горшения. Не узнал царь его в монашеском одеянии и спрашивает: «Ну что, разгадал, старик, мои загадки?» — «Разгадал, государь. Первая твоя загадка: сколько звезд на небе? Столько их государь, сколько вот в этом возу маковых зерен, да еще в Большой Медведице — семь звезд».

А около ворот стоял воз с маком — привезли его в монастырь на мельницу: масло из мака жать.

«Неправда это!» — говорит царь. «А вот проверь перечти, государь, так точно выйдет... Вторая твоя загадка: чего ты стоишь?.. Иисуса Христа, Царя нашего Небесного, жиды в тридцать сребреников, говорят, оценили. Ну, по этому судя, за тебя, за земного царя, все-таки больше двадцати девяти нельзя дать».

Улыбнулся царь: «Ловко сказано! Недаром тебя, игумен, умным величают».

«А третья твоя загадка, — говорит горшения: — что ты, государь, думаешь? Думаешь ты, государь, что я — игумен, ан нет: я тот самый горшения, с которым ты вчера дорогою ехал».

Узнал его царь и рассмеялся: «Ну и ловок ты, горшения! А все-таки не хвалю тебя: не след тебе не в свое дело соваться». — «И сам я так думал, государь, — говорит мужик, — да твое же царское лицо меня с пути сбило». — «Как так?» — «Да вот как, государь!» И вынул горшения из кармана сто рублей, что ему игумен дал. А на рублевиках-то ведь царский портрет выбит.

«Ну, Бог с тобой, — говорит государь, — ради твоего ума и с тебя не взыщу и игумена помилую. Умел ты, горшеньюшка, ловко ответ держать, умеешь хорошо и дело делать. Собирайся и явись ко мне в столицу. Посажу я тебя с хитрыми иноземными послами речь вести, нашу царскую пользу блюсти».

Так-то стал жить горшения в столице, верно царскую службу править... И дослужился до больших чинов.